

КИЕВСКАЯ, 139

Брату Серёже

На Киевской сто тридцать девять жарко,
а если зябко – топится голландка,
но чаще жарко, потому что юг.
Раскрыты окна настежь: слева – варка
сливового варенья, справа – сладко
вздыхая паром, греется уютюг.

На Киевской сто тридцать девять тени
зелёной мажут сбитые колени.
Я в центре Кишинёва – средостенье
мне, данного зачем-то, бытия.
Здесь носится сестра с собачкой Пальмой.
Мелькают бантики, дворняжий хвост спиральный.
В качалке старой бабушка моя.

Серёжка, брат двоюродный и младший,
доев котлету с гречневою кашей:
«Айда под крышей побежим!» – зовёт.
Зашнуровав с подковками ботинки,
мимо соседской прошмыгнув Бастинды,
кричим дворовым: «Эй, постройся, взвод!»

Потом, взобравшись на чердак, в погоню
пускаемся, невидимые кони
несут нас друг за дружкой по всему,
что там под кровлею обречено валяться:
обломкам черепицы (восемнадцать
и два нуля потом в музей снесут).

По доскам, сваленным крест-накрест, как попало.
по битому стеклу, ух как достало –
осколками стреляет, жмурься, люд!
Орёт Бастинда снизу : «Чтоб вы сдохли!»
Но тут вступает пианино, в окнах
свет загорается то там, то тут.

Мне десять лет, я к тётё Кате в гости
пришла и память детская запостит
асфальтовый тот двор и щели в нём,
в котором одуванчики пасутся,
а сколько лет над ними пронесутся –
не сосчитать заросшие быльём.

Ну а пока мы носимся под крышей,
и собираем синяки и шишки,
они нам пригодятся – ещё как! –
в чердачной и не только дольче вите.
Бастинды, ви, спите-спите-спите!
Пусть дети обегут сперва чердак.

ШИПОВНИК

Затейник июнь раздобыл акварель
салатно-зелёную, синюю,
и в той синеве затянул менестрель
канцону свою соловьиною.

Ваганты-лягушки о чём-то кричат,
о чём – не скажу (неприличное)
лихой одуванчик меняет наряд
на пух, легче пёрышка птичьего.

ну как мне, скажите, в такой лепоте
не позабыть своё прошлое,
отрезать и сжечь его чёрную тень,
а дальше – июньски-хорошею

остаться промытым зелёным листком,
шиповника белым душистым цветком,
всей веткой-царапкой, её коготком
смеющейся праздничной ношею?

ЖАСМИН

Пусть вечно сияет июньский жасминовый куст
и светятся звёздочки с жёлтым птрихом сердцевини!
Так рви же на части судьба, ну и пусть
мистралем сменяются яркие летние ливни!
Отняли любовь и по кочкам её разнесли, по клочкам,
отняли судьбу и заставили жизнью чужою
не жить, а болеть, но не вашим, а светлым богам –
жасмину вот этому – буду склоняться главою.

К деньгам, пьедесталам всегда равнодушна, плевать
на ваши законы молчания и осторожности шёпот!
Я выжила – значит, права, с этих пор благодать
июньская мне прописала по лужицам шлёпать,
и топать босой на вершину холма Сен-Жени,
туда, где жасминовой куст наклонился над бездной.
Не станет меня – значит, он за меня будет жить
земную мою, отраженьем моей же небесной.
